
АЛЕКСАНДР НЕКЛЕССА

доктор философских наук

СТРАНА ПУТИ

Вектор судьбы России — ее культурно-исторический проект

*Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль на северо-восток.*

Максимилиан Волошин

Куда ж нам плыть?..

Александр Пушкин

Право на достойное будущее страны обеспечивается далеко не только конкурентоспособностью экономики или боеспособностью ее вооруженных сил.

Скорее эти качества — производное от калибра правящего класса, его интеллектуального и властного мастерства, ибо продукция, создаваемая правителями, если можно так выразиться, постиндустриального свойства: она нематериальный, творческий ген, публичное достояние, вокруг которого выстраивается общественный организм со всеми достоинствами и недостатками.

Но и здесь существуют свой *haute couture*, *prêt-à-porter* и, к сожалению, дилетантство и профанация.

Другой фермент, определяющий положение страны в человеческом сообществе, — энтузиазм и самоощущение народа, сопряжение исторической идентичности и токов новизны.

Культурный, интеллектуальный статус нации, трансценденция обстоятельств и преодоление неурядиц — долг и добродетель не только правителей, но и граждан. Качество элиты — в конечном счете, производное от самоосознания и активности народа, это проецируемый в окружающий мир и будущее образ страны. На каком языке говорит сегодня Россия, о чем ее речи, кто прислушивается к ним на планете?

Мысль, творчество, душевное усилие — энергии, сопричастные как идеальным мирам, так и земной практике. Люди не механизмы, их судьба не фатальна; история — просторная дорога, уводящая вдаль, по ту сторону распах-

НЕКЛЕССА Александр Иванович родился в 1949 году. Окончил Московский государственный институт международных отношений при Министерстве иностранных дел СССР в 1972 году. С 1988 года руководит Синергетической лабораторией НПО СИНЛА, с 1992 года консультант, затем — главный специалист Главного управления стратегического анализа МВЭС РФ, член рабочей группы по разработке Стратегии развития внешнеэкономических связей России. С 1998 г. — заместитель директора Национального института развития Отделения экономики РАН, руководитель межотраслевого центра “Геоэкономика”, с 1999 г. — заместитель директора Института экономических стратегий при Отделении международных отношений РАН, Действительный член Философско-экономического учёного собрания МГУ им. М. В. Ломоносова (1999). Профессор Академии геополитических проблем. Мыслитель, политолог. Член редколлегии многих экономических журналов. Основная область исследований А. И. Неклессы — международные системы управления и тенденции глобального развития. Живёт в Москве

нутой двери, но одновременно это метафизический процесс, питаемый культурным наследием, качеством настоящего и образами грядущих свершений.

* * *

Будущее определяется не только прошлым, однако прошлое странным образом зависит от будущего.

Национальные проблемы в разные времена решаются различными способами. Выбор адекватного, эффективного инструментария, годного для транзитных эпох – искусство особого рода, которое включает предвидение событий и освоение картографии перемен, удержание в узде – на основе законов справедливости и правопорядка – рвущихся на волю инстинктов несовершенного естества, интеллектуальную мобилизацию и моральную реформацию.

Иначе говоря, ограждение от зла и деградации имеет источник не только в накопленной инерции цивилизации, но также в живой ткани общества и внутри человека.

Поэтому сила верного действия, плодотворного порыва, проявлений высоты духа, полноценного законотворческого действия (и, что немаловажно, его исполнения), наконец, просто умного слова – равно как живой мысли, распознающей обстоятельства времени, а не плодящей конъюнктурные клише, лозунги, стереотипы, – из числа могучих средств трансформации страны и возрождения народа.

Россия на краю истории

Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже и для таких людей, которые и не рождены быть бесчестными. Знаю, что уже почти невозможно многим идти противу всеобщего течения.

Николай Гоголь

Россия-РФ – не вполне обычное государство. Имея за плечами долгую историю, обладая многовековой культурой, она в то же время представляет собой новое государство с изменившимися ценностными ориентирами, геостратегическим мироположением, геополитическим контуром и геоэкономической картографией.

В критический момент национальной судьбы, в начале перестройки – перелома российского быта и бытия – под эгидой официального оптимизма и лозунга “иного не дано” вне фарватера публичной дискуссии, да и профессионального анализа, оказалась фактическая палитра альтернатив, в особенности негативные версии, капканы и препоны, хитросплетения и лабиринты.

Изменения, происходившие в те годы как в российском, так и в мировом сообществах, чаще описывались с конъюнктурной, сенсационной точки зрения, в непременном сравнении с прежним порядком вещей (то есть доминировала апелляция к прошлому, а не к будущему). Внимание фиксировалось на ярких, но не самых существенных образах и деталях, на бросающихся в глаза симптомах новизны, но в меньшей степени – на постижении ее генезиса, сути и перспектив.

Страна, однако же, быстро соприкоснулась с драматическими сложностями, причем весьма болезненным образом, пережив шок и наспех, рефлекторно вводя в водоворот дискуссий прежде глухо звучавшие обертоны.

Прошло еще несколько лет, и социально-политические сценарии уже активно обсуждались в широком диапазоне от “свершившегося вхождения в мировую цивилизацию” до “образования корпорации ликвидаторов великой России”.

Ретроспективно полемика подтвердила – правда, чаще в публицистическом, нежели аналитическом ключе и, главное, задним числом – то реальное многообразие путей в будущее, которое открывалось перед страной на рубеже 80–90-х годов.

* * *

Таким образом, в годы перестройки негативные альтернативы оставались в значительной мере нерасшифрованными, скрытыми под флером общих фраз и пафосных рассуждений о “научно-технической революции”, “набирающем темп прогрессе”, “наступлении эпохи постиндустриализма и информационного общества”.

Непонятая механика глобального переворота, однако же, властно проявила себя в крахе советской империи, в сломе прежнего миропорядка и последовавшем глобальном переделе, в разительной мутации ряда привычных институтов.

А целеполагание элиты постсоветского помёта, пройдя галерею идеологических метаморфоз, парадоксальным, на первый взгляд, образом сбросило в конце концов не только личину “социализма с человеческим лицом”, но и само “человеческое лицо”, обнаружив социальное естество в торжестве животного идеала.

Однако, как писал в свое время Карл Мангейм: “Человек (а мы можем добавить – общество. – А. Н.), для которого не существует ничего, помимо его непосредственных обстоятельств, не является человеком”.

На планете тем временем искусство и практика социального действия продолжали развиваться, причем независимо от полноты осмысления практики, мотивированные желанием жить и эффективно действовать в новом мире. Результатом явились технологии и системы управления, основанные на таких инновационных началах, как деятельность в условиях неопределенности, потоковые модели социума, концепции контролируемого хаоса, рефлексивный и матричный методы проектирования.

В конечном счете искусство оперативных комбинаций и корпоративное ноу-хау заметно превзошли историческое осмысление эпохальной трансформации.

К новой картографии мировых связей и ее системе координат можно сегодня прилагать массу языковых новообразований – это открытое поле действия: простор для лексических набегов и театр семантических войн.

* * *

Статус России, ее геополитическая, геоэкономическая геометрия носят транзитный характер.

Россия-СССР к концу своего существования принадлежала (с рядом оговорок) к технологическому сообществу, по-своему приближаясь к постиндустриальному порогу как критическому для ее дальнейшего существования рубежу.

Ее статусная капитализация выражалась в присутствии в Совете Безопасности ООН и в продвижении к членству в мегаклубе “Большой семерки”.

Россия-РФ в контексте постсоветского пространства нередко рассматривается то как рудимент квазиимперского организма, то как зародыш новой интегрии, не слишком укладывающаяся в социоконструкты “национального государства”.

К началу XXI века страна заняла, однако, прочное место среди государств – производителей природного сырья и полуфабрикатов, так что сегодня основу ее богатства составляет преимущественно не развитие человеческого капитала и его производных, а природная рента и ее модификации.

Параллельно все чаще стали проявляться черты специфического социального разложения и неоархаизации, отделявшие и отдалявшие государство Российское от постиндустриального/высокотехнологического сообщества.

* * *

Упрощению экономического и инволюции социального статуса России можно найти много объяснений.

На протяжении XX века в стране происходили последовательные выпалывание современной социальной культуры, разрушение сложных схем жизни

общества, стерилизация начатков самоорганизации и пассионарных личностей. В итоге образовался мир, плохо совместимый с глобальной революционной ситуацией.

Когда же исчезла разделявшая Восток и Запад стена, в России наиболее динамичной частью общества оказались люди, привыкшие действовать “поверх барьеров”: определенные сегменты прежнего правящего слоя, специфические организации, цеховики, разного рода консьюеры, полу- и прямокриминальная субкультура.

В конце концов мы получили собственный элитный коктейль – поколение “П” – из представителей спецслужб, их многочисленной, разветвленной агентуры и в той или иной степени криминализованной субкультуры. При всем различии этих людей у них есть одно общее свойство – это “люди тени”, воспитанные в духе морального релятивизма, короткого (оперативно-тактического) горизонта планирования и психологии подполья.

Баланс достижений и утрат позволяет сегодня рассматривать Россию-РФ (по сумме факторов) в качестве региональной державы – примерно в одном ряду с такими государствами, как Бразилия или Индия. Однако геэкономическая специфика страны содержит в себе предпосылки дальнейшей инволюции, соответствуя не столько “тиграм” и “драконам” Нового Востока, сколько сырьевым государствам Юга.

Возникает также вопрос: не явились ли события 1991 года начальным пунктом исторической траектории, стартовой позицией долгосрочного цикла социально-политической автономизации страны?

Действительно, насколько Россия-РФ сегодня реально является целостным организмом, спаянным властной вертикалью? В какой степени и надолго ли интегрированы в российский космос Северный Кавказ? Дальний Восток? Калининград? Татарстан? И что произойдет с общероссийской национальной корпорацией после вступления страны в ВТО?

* * *

Политическое искусство, вызревая в лоне культуры, зиждется на политической философии, то есть на определенном мировоззрении и прочтении метафизики.

Элита вообще, и политическая в частности, балансируя на грани возможного и невозможного, перманентно трансцендирует сложившиеся обстоятельства. Она не может позволить себе быть криминальной, хотя и попадает время от времени в ситуации дьявольской альтернативы. Вынужденно избирая меньшее зло, воспринимает данный выбор как выплату трагической неустойки и временное поражение, ибо мыслит одновременно практически и идеалистически, совмещая в сознании текущую ситуацию с картографией будущего.

Ее главная задача: стратегическое управление обществом – успешное освоение неизвестного, то есть искусство рожать и умело отбирать смыслы, генерировать образы, определять маршруты для себя и тех, кого ведет. И при этом квалифицированно действовать в предложенных историей обстоятельствах.

Криминальное сознание социопата утрачивает эти специфические преимущества, случается, теряет контроль над смыслами, обесмысливая заодно существование политического организма, разрушая логику его существования, историческое целеполагание.

Коррупция личности – не взяточничество, точнее, не только и не просто взяточничество, коррупция – это инволюция, недопустимое расширение пространства рыночных операций, то есть разрушение сложной организации социального текста и потенциала политической персоны, сопровождаемое уплощением и приватизацией общественных благ.

И одновременно – разрастание специфичной, примитивной, в сущности, рефлекторной системы управления, присущей упрощенному, ситуационному сознанию.

Деградирующая личность не в состоянии улавливать ритмы истории, создавать целостное и долгосрочное целеполагание, она блюдет шкурные или клановые интересы, искренне понимая под политикой интригу, в результате проигрывая игрокам с “длинной волей”, иным жизненным горизонтом, стратегией.

Дефицит высоких смыслов и масштабных личностей – критическое обстоятельство в момент исторических метаморфоз.

* * *

И еще одно обстоятельство заслуживает упоминания.

Сегодня в социальном космосе суверенные планеты национальных государств, случается, раскалываются амбициозными игроками на своего рода “астероидные группы”, образующие с аналогичными персонажами других стран трансграничные рои и стаи.

Эти корпорации-государства – протосуверены и зародыши грядущего политического строя – многолики и протееобразны. Их основой могут быть регионы, мегаполисы, госкорпорации и холдинги, другие деятельные субъекты (регионы, столицы, “газпромы”, “силовики”, “питерские” и т. п.), соединенные в сложную, динамичную систему взаимоотношений как внутри страны, так и за ее пределами, способные порою играть вместе, но всегда за себя.

При этом в формирующемся мире возникает конкуренция за источники социальной гравитации сложных систем.

Мне кажется, социокультурная гравитация – один из наиболее ценных и востребованных временем стратегических ресурсов общества. И я думаю, основная проблема современной России кроется именно в дефиците такой энергии – энергии культуры, что грозит стране распадом и растворением в потоке перемен, охвативших, в сущности, весь человеческий космос.

Что есть Россия?

От края до края своих равнин, от берега до берега морей, Россия внимлет всемогущему голосу Бога, который обращается к человеку, возгордившемуся великолепием жалких своих городов...

Удивительно, как мощно одарены нации от природы: на протяжении более чем столетия благовоспитанные русские — знать, ученые, власти держащие, только тем и занимались, что кланчили идеи и искали образцы для подражания во всех обществах Европы.

И что же? Смешная фантазия государей и придворных не помешала русскому народу остаться самобытным.

Астольф де Кюстин

Россия в настоящий момент экономически используется окружающим миром, но культурно им отторгается.

Предъявление, прежде всего себе самой, но также *urbi et orbi*, современного прочтения “загадочной русской души”, ее ценностей, мировоззрения, мироположения, внятных правовых, социальных, политических прописей, горизонтов развития, национального культурного круга и оригинального российского проекта – задача, со всей очевидностью востребованная обществом и временем, то есть актуальная, если не сказать больше.

Однако интеллектуальная и смысловая растерянность российского общества все же велика. . .

Беспокойство вызывает социокультурная ситуация в стране. Противостоять деградации российских душ и неоархаизации обширных пространств может и должна национальная реформация – обновление политической рефлексии и практики, смысловой вектор, осознанный образованной частью общества и поддержанный народом, размыкающий горизонт не слишком приглядного будущего.

Речь, в сущности, идет об инновационной и культурной революции, об опознании стремительно меняющегося глобального ландшафта, о растущих

ставках и уровнях риска в глобальном казино, о новой методологии познания и действия в условиях складывающейся на планете стратегической неопределенности.

Смена устаревшего, не соответствующего эпохе и ее реалиям языка, артикуляция российской политической философии, формулирование внятного российского проекта, то есть доктрины действий, учитывающей драматичные перемены, равно как завоевание интеллектуального и нравственного авторитета в мире – несомненные национальные императивы.

Необходимость интенсивного, не поверхностного, не демагогичного, но содержательного и реалистичного разговора на эти далеко не всегда удобные темы в российском мире давно назрела.

* * *

Утрата смыслового вектора усиливает необходимость поиска национальной идентичности в новом веке, определения формулы государственности в формате Россия-РФ.

Что есть Россия? Это, действительно, сложный вопрос, на который вряд ли возможен однозначный ответ. Подобный вопрос, особенно в эпоху перемен, предполагает непростую формулу ответа. Тем более что исторический опыт свидетельствует о различных ипостасях и версиях Руси, России, о сосуществовании типологически разных *русских стран*.

Причем не только в историческом, диахронном русле, считая от мозаики Киевской Руси и региона Ордынского улуса, Московского царства и Российской империи до России-СССР и России-РФ.

Но также в географическом, пространственном прочтении данной темы: северо-восточной Московии, обширной северо-западной Новгородской и Псковской республик, южно-западнорусского государства Великого княжества Литовского и Русского, а впоследствии – Малой, Червонной и Белой Руси. Не говоря уже о легендарной Тмутаракани, восточных землях и подданствах (кое-что из этого наследия, кстати говоря, сохранялось в титуловании российского государя). Не грех тут вспомнить строки литератора-историка Карамзина, писавшего в весьма непривычной для сегодняшнего слуха логике о “грузных стругах, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи...”.

Поиск содержательного, полноценного ответа на вопрос о культурно-исторической сущности российского общественного организма, обладающего колоссальной, однако не простой для освоения территорией, специфическим миропониманием и реализующего собственную формулу миростроительства, отчасти напоминает юридическое расследование, в ходе которого фиксируются не только внешние признаки ситуации, но и внутренние, психологические мотивы поступков.

Так же в ходе социального, исторического исследовательского процесса, в присутствии своего рода присяжных заседателей (народа), обнаруживается и декларируется подлинная суть событий.

* * *

Выраженным признаком российского бытия является, пожалуй, его пограничность, прочерченная линиями старых и новых трансграничных и межкультурных трактов.

Территория России последовательно очерчивалась и прирастала в соответствии с географией “путепроводов” своего времени.

Ее внешние рубежи обрамлены пунктирами значимых торговых маршрутов, начиная со знаменитого, днепровского, западного пути “из варяг в греки”, но также волжского “к персам”, а порою дальше, по следам странствий, скажем, Афанасия Никитина. Южная граница – это фактически линия Великого шелкового пути, на севере же вдоль Ледовитого океана проходил “соболиный тракт”, уходивший за Урал, в Мангазею и далее чуть ли не к водам Великого океана.

Преодолев в конце концов пределы Евразии, российская государственность в весьма своеобразном облике (напоминавшем отчасти матрицу Ост-

и Вест-Индских компаний) вышла на просторы континента, расположенного по ту сторону Великого океана. А исследовательские суда устремились далеко на юг к берегам неведомой Антарктиды.

Иными словами, наметив контур даже не евразийской, а уникальной трансокеанической державы.

Рассуждая о пространственных измерениях российской государственности, мы порою забываем, что Россия исторически не только евразийское пространство, она шире. Это был прообраз трансконтинентальной страны, раскинувшейся в один из периодов истории не на двух, но на трех частях света, включая часть Американского материка.

Русская Америка охватывала Алеутские острова, Аляску, западное побережье Америки до 55-го градуса северной широты и насчитывала 15 поселений от Ново-Архангельска на острове Баранов (Ситха) до форта Росс в Калифорнии. Управлялась она особым образом: посредством основанной в 1798/99 годах Русско-Американской компании. О присоединении к этому пунктирно очерченному, но грандиозному контуру Новороссийской империи задумывались на тихоокеанских просторах разные территории, к примеру, Гавайи. В 1867 году Аляска была, однако, продана Александром II Соединенным Штатам на 99 лет.

Историческая перспектива этой восточной и одновременно “западной” границы империи с мерцающими на “внутренних” берегах образами созданных, но не удержанных океанических плацдармов – предполагавших в свою очередь альтернативный, океанический вектор развития, казалось бы, сугубо континентальной державности – осталась, однако, туманным, не вполне внятным горизонтом, историософски и политически не осмысленным мегапроектом.

Между тем северная часть Великого (Тихого) океана все же получила на время – как метка несостоявшейся версии обустройства российского бытия – дерзновенное наименование “Русского моря”.

* * *

Вектор России как “страны пути” был прочерчен также ее культурно-исторической миссией свидетельства о Христе на Востоке, ролью трансграничья Большой христианской цивилизации, пронзившей просторы Евразии, уходя, как было сказано, в трансконтинентальную просторность. И смыкаясь там с движением в противоположном направлении (“посолонь”) западноевропейской ветви этой цивилизации.

Если так, то и необъятность, и очертания российской территории носят с точки зрения исторической метафизики неслучайный характер, имея смысловое и культурное содержание. Территория страны, ее динамичные границы были по-своему мотивированы. Иначе говоря, этот необъятный “сухопутный океан” являлся отнюдь не просто “территорией” или географической “ямой, заполненной землей, водой, тайгой и болотами”.

Фронтирность, запредельность, экстремальность национальной психеи находит, таким образом, не только внешнее обоснование, но содержит намек на некий трансцендентный замысел, отраженный и запечатленный в специфике русского миропонимания, самоощущении судьбы страны как миссии, исполненной исторической ответственности.

Идентичность и удел России отмечены своего рода “крестом” единственности и инакости, ощущением уникальности и всемирности, эсхатологичностью и отверженностью, возможностью свободы “в героизме и грехе” и горделивого обрушения в пропасть.

Неверное прочтение подобного неоднозначного, искусительного, метаисторического текста отзывалось в земной истории народа тяжелыми, порою катастрофическими потрясениями. А с утратой духа, потерей миссии обесмыслились необъятные очертания государства, и под вопросом оказывалось само существование страны как субъекта истории.

* * *

Но все-таки: что же такое Россия? Она – не Азия и не Европа, не Евразия и не Азиопа. И не наследница Византии. Все это внешние обличья, не

открывающие внутреннюю, прикровенную суть культурно-исторического пространства.

Россия также не моноэтническое государство и не просто пограничная территория христианской культуры.

Мыслилась она своими идеологами и метафизиками как “особое место”, средоточие “остатка” верных, которые хранят истину в мире, заливаемом водами нового потопа. И являющихся новой общностью: именно в этом смысле – Третьим Римом, где, кстати, русские – не этнос, а “ромей”, а Русское царство – царство Ромейское.

Подобные культурно-исторические инстинкты и мотивации проявлялись в собирании разноплеменных народов, в прозелитических и культуртрегерских амбициях, в освоении мозаичных восточных и южных пространств, а заодно в усвоении их опыта и умений, включая “ордынское” наследие. Непростая ситуация сложилась также с “наследием византийским”, но об этом чуть позже.

На протяжении длительного периода подобные миростроительные умонастроения – подчас в весьма различных обликах – питали Россию, являясь подспудной движущей силой как внутренней, так и внешней экспансии.

Предельность и напряжение, наличествующие в ощущении метаисторической роли, предопределили широкий спектр претензий на универсальную, державную роль и, в конечном счете, на глобальное присутствие.

Приходится, однако, еще раз подчеркнуть: подобное самосознание народа и власти, самоопределение и возвеличивание страны, уверенность в предначертанной ей “совершенно особой воли провидения” предполагали возможность не только запредельного взлета, но и ужасного низвержения.

Энергия культуры

*Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!
О, старый мир!..*

Александр Блок

Размышляя над проблемой российской идентичности, самоидентификации, можно констатировать, что Россия, в сущности, это страна пути. Так она исторически строилась.

Иначе говоря, странствия, дороги, дерзновенность целей, величественность горизонтов являются для России совершенно особыми ориентирами, производными и стимулами к деятельности, свершениям. Потому, наверное, внутренне сопряженная с данными представлениями идея развития как пути трактуется подчас в качестве русской национальной идеи. Однако лишь в метафизическом и психологическом прочтении содержит она этот смысл.

Но возможно, развитие как таковое все же не является точным определением этой специфической черты русской ментальности. Скорее, здесь обитает нечто более глубинное, некая субстанция, иницирующая, порождающая само развитие, выводящее его на поверхность и выходящая при этом за пределы обыденного порядка.

Другими словами, русскому характеру присуща некая внутренне мотивированная тяга к запредельности, экстремальности, дерзновению.

Земное же ее воплощение – фронтирность – являлось в свою очередь определяющим качеством освоения бескрайних (о-крайних, граничных) просторов и строительства специфической государственности.

В чем-то тут, пожалуй, слышится здесь эхо американской идеи high frontier, “великого трека”, а заодно обертоны монгольского, кочевнического идеала пути “к последнему морю”.

* * *

В подобном “архетипическом” подходе к дефиниции русской национальной идеи присутствует, конечно же, некая провокативность.

Дело вот в чем. В ходе ставших привычными обсуждений и рассуждений на тему Русской идеи то и дело приходится сталкиваться с попытками “ката-логизации” формальных концепций национального идеологического и политического творчества.

Самыми яркими примерами подобного реестра являются, пожалуй, концепции Третьего Рима, уваровского “самодержавия – православия – народности”, Третьего Интернационала... Список легко и расширить, и продолжить.

Любопытна, кстати, вероятность внесения (внедрения) социокультурного концепта Третьего Рима северо-западными землями Руси в качестве средства удержания восточной (в географии и политике русского мира того времени) Московии от искушения принятия в культурно-исторической полноте наследства распавшейся примерно в тот же период другой империи – Ордынского царства.

В любом случае, думаю, прорыв искусственной плаценты – собрания ярких концептов, институализированных “сверху”, но не получивших внятного развития, лишенных общенародного признания, однако воспринимаемых и декларируемых сегодня в качестве живых идей, выражающих национальную психею, – преодоление подобной исторической аберрации могло бы разомкнуть и прояснить для России горизонт, затянутый туманом иллюзорных видений.

В качестве некоторого аналога (который, как и все аналогии, хромает) – позволяющего, однако, почувствовать вкус проблемы, – я бы предложил задачу по определению, скажем, “национальной идеи” Древней Греции. Думаю, в подобном разговоре можно было бы услышать весьма различные и обоснованные построения, связанные с идеями демократии, полисной культуры, философии и много чего тому подобного, подтвержденного развернутыми тезисами и яркими афоризмами.

Но к той же проблеме опознания генеральной идеи древнегреческого строя, его миропонимания и миростроительства можно подойти и совершенно с иной стороны. Постулировав, скажем, что таковой была идея порядка, организации, промышленности всего и вся. И был бы в этом подходе свой исторический и культурный резон.

То же и с Россией.

* * *

Идею развития в пространственном и историческом замысле российской государственности я воспринимаю скорее как универсальную тягу к освоению неведомого, как принципиальную фронтирность, в том числе метафизического свойства, как преодоление любых и всяческих пределов. Если угодно, как архетип иночества и феномен казачества.

Рассуждая о пространственных измерениях страны, мы порою забываем то, что отмечалось ранее: исторически это было не только и не просто евразийское пространство, но шире – уникальное трансконтинентальное, многонациональное, а в пределе “мировое” государство (вспомним очертания герба скрывшейся в водах истории России-СССР). Государство, раскинувшееся было, как уже отмечалось выше, в один из периодов истории на нескольких частях света.

И опять-таки отмечу общее для американской и русской психеи качество духа неуклонного продвижения к дальней земной границе.

Как-то забывается под флером и идеологической и кинематографической мифологии, что западная и восточная ветви христианской цивилизации, встретившись на краю земли – пространствах Дальнего Запада, сомкнули, таким образом, глобальное продвижение *Universum Christianum*. Другими словами, при очевидных различиях они совместно вписали в исторический текст особую формулу универсального обустройства земного общежития.

Видится здесь также предчувствие иной встречи – потенциально с возможностью различного исхода, – произошедшей уже в XX столетии и по другим основаниям. Встречи-столкновения атлантической (западной) и российской (советской) цивилизаций на рубежах ковавшейся в те годы конструкции одновременно глобального и биполярного универсума.

Отметим, что тяга к непрерывному продвижению, испытанию земных пространств на протяженность и прочность, притягивающий души динамический идеал high frontier – свойство отнюдь не всех цивилизаций.

Вспомним знаменитый запрет на океанические путешествия в средневековом Китае, подрубивший в свое время трансконтинентальную экспансию Срединной империи, хронологически даже опережавшую в какой-то момент европейскую*. Или упорное самостояние конгломерата индийских интегрций и этносов, да и ряд других исторически достоверных примеров.

Конечно, тема полифонии цивилизаций, понимаемых как культурные пространства, культурно-исторические типы, субэкумены, непроста, она имеет массу обертонов. И даже упомянутые энергии русской и европейской экспансий, основанные на изначально единой метафизической позиции, имели различные социокультурные формы реализации.

* * *

Очевидно, что развитие российское, русское – как его ни определяй – имеет свою оригинальную специфику, причем глубинного, фундаментального свойства.

Вопрос, однако, в чем именно она состоит? На каком фундаменте воздилось государство российское как цивилизация, воспринявшая также мощный культурно-государственный импульс от Второго Рима?

Причем наследство это было воспринято парадоксальным образом – не в качестве собственно византийского, а скорее как отторжение византийской коррозии от самого наследия, при ощущении уникальности задачи сохранения если не плода, то цветка ромейской духовности.

Того цветка, который, несмотря на окружавшую его коррозию, произрастал и благоухал именно в последние столетия второй римской империи.

С наследием византийским вообще сложилась непростая ситуация. В обществе, надо сказать, до сих пор господствует стереотип о преемственности Руси и Византии, выраженный, к примеру, в легенде о “шапке Мономаха” или в поздних толкованиях тезиса о Третьем Риме.

Связь, действительно, существует, равно как наследие и преемственность, только вот в каком смысле?

Если обратиться к документам и событиям эпохи (XV–XVI века), мы видим: дело обстояло подчас едва ли не противоположным по отношению к поздним прочтениям ситуации образом. И формула Третьего Рима осознавалась, скорее, как опровержение Византии, отрясение ее праха, нежели как ощущение кровного родства и наследования...

Однако обретение православного апофатического богословия, развиваемого в Византии, познание мира удивительных энергий, воспринятых и пестуемых в основном в исихастском кругу, а на русских просторах – нестяжателями, заволжскими старцами, каким-то образом с изменениями, угашениями, провалами – вплоть до трагического надлома, были всё же унаследованы Россией.

И унаследованы во многом в сфере практики, а не богословия. Богословия же, как такового в России, пожалуй, и не сложилось, а вот “практическое богословие” сложилось.

В целом же Русское царство, обретшее собственный формат государственности, аккумулировав претензии на реконструкцию миропорядка и нащупав стержень оригинальной идеологии, напоминало в те годы сжатую пружину.

В течение весьма короткого исторического срока энергия преобразований сказалась не только на размерности и статусе страны, но и на самосознании народа. Она ввела в мировой контекст деятельного персонажа, который с тех пор – при всех исторических пертурбациях – уже не покидал историческую сцену.

* Так, в начале XV века, то есть почти за столетие до эпохи великих географических открытий, китайский мореплаватель Чжэн Хэ побывал в Малайзии, Индонезии, на Цейлоне, в Индии, возможно, дошел до Восточной Африки. Китайцы совершили в тот период более десятка океанических экспедиций, обложив данью ряд государств Индийского океана и даже Красного моря (вплоть до Мекки). Однако некоторое время спустя правители минской династии запретили океанические путешествия, причиной чего явились именно господствовавший тип мировоззрения и соответствующая практика миростроительства.

* * *

Апофатичность, прочитанная и воспринятая как особый культурный импульс (то есть преимущественно косвенным образом), произвела ряд отличных от источника и тем более от западноевропейских версий христианской культуры производных, созвучных, однако, психологическому складу русских странников-первопроходцев, обитавших — вспомним и об этом обстоятельстве — на краю познанной земли-ойкумены.

Попробуем воспроизвести, хотя бы списочно, качества подобного самоощущения и самостояния: предельность, фронтирность, экстремальность, апофатичность, безымянность, инакость, буйность, продвижение, освоение, мобилизация, катастрофичность... И даже “перестройка” в каком-то неявном виде присутствует в данном ряду, в том числе в залоге катастрофичности, — и всё это вместе взятое входит в некую “русскую социологию развития”.

Каким образом? Одним словом, конечно, не ответишь. Но можно попытаться. Повторим то, что было частично сказано: внешним признаком российского исторического/политического бытия, равно как национальной ментальности является одновременно центробежная (географически) и центростремительная (идеологически) фронтирность, прочерченная линиями старых и новых трансграничных и интерцивилизационных трактов, мыслительных и идеологических дерзновений, со всеми присущими подобному способу бытия заблуждениями, ошибками и провалами.

Подобная запредельность и экстремальность психеи имеет, таким образом, не только внешнее проявление, но намекает на коренной трансцендентальный замысел, внутреннюю географию и нелинейную геометрию, связанные со спецификой миропонимания и самоощущением судьбы личности или народа как миссии, наполненной дерзновенным содержанием.

Действительно, неверное, искаженное, прямо скажем — извращенное, горделивое прочтение тезиса отзывалось в земной истории тяжкими, катастрофическими потрясениями. Но как Иона не смог отказаться от предьявленной ему миссии, так и для отказа от исторического промысла требуется, видимо, совершенно особое сверхусилие, не сулящее, однако же, ничего хорошего.

* * *

Апофатическое богословие предполагает испытания на грани предельности. Оно, собственно говоря, и основано на перманентном обитании в подобном статусе, на решительном, но умном шаге за очерченную обыденным бытием границу.

Подобное чувство запредельности, переносимое невидимыми токами в сферу земной жизни, выражается в социальной и политической практике, их напряженности и экстремальности.

Экстремальности, которая имеет в том числе мобилизационную составляющую, требуя крайнего напряжения духа. И своего рода склонность к подобному предельному напряжению, порой обращаемую властью в прямую эксплуатацию способности народа к “предельной мобилизации”...

Мобилизационность может быть различной, также как различным может оказаться развитие, и мы отчасти способны различать цивилизации по их динамическим и социальным производным.

В сущности, на протяжении некоторого периода на планете состязались две цивилизации, которые содержали в своем естестве выраженную динамическую производную.

С одной стороны — это англо-саксонская цивилизация, которая, помимо империи, “в которой не заходило солнце”, произвела на свет собственную версию мира Нового времени, породив также энергичное сообщество США, скрепившее в какой-то момент истории понятия глобализации и американизации.

И менее внятные, но столь же динамичные производные России, которая реализовывала собственную многовекторную географическую и идеологическую экспансию, грезившую всемирными и надмирными горизонтами, не слишком отдаваясь, однако, от материнских, континентальных, земных пространств, хотя постоянно продуцировала попытки трансграничной, трансцендентальной и трансконтинентальной экспансии.

Это были также различные окраины, у-краины, пределы – то есть казачьи области, дух и феномен поселенцев Поморья, энтузиасты Беловодья, соратники Ермака, амурские и дальневосточные первопроходцы, раздвигавшие рубежи познанной ойкумены. И, напротив, скрывавшиеся от мира в неизведанных землях монахи и старообрядцы. В каком-то смысле упомянутая выше Российско-Американская компания, совершившая скачок в заокеанскую запредельность, также присутствует в этом ряду. (А в какой-то момент – и греза о земном рае, всемирном обществе справедливости, коммунизме.)

И все вместе они укрупняли, животворили очертания страны под стать пропорциям и границам мятущегося российского духа.

Именно в подобном метаисторическом промысле и земном подвижничестве встреча потоков христианской цивилизации на окраине Американского континента представляется – с точки зрения историософии – явлением важным и символичным.

Изначальная претензия на горнюю запредельность породила, таким образом, дух прорыва прежних, “океанических” оболочек средневековой и античной ойкумены, в какой-то момент дав возможность Universum Christianum охватить своим половодьем планету, сочетав в единое целое очерченные ею миры.

Борьба за будущее

*За трапезой земной печально место ваше!
Вас горько обошли пирующей чашей.
На жертвы, на борьбу судьбы вас обрекли:
В пустыне снеговой вы — схимники Земли.
.....
Бог помощь! Свят ваш труд, на вечный
бой похожий...*

Петр Вяземский

*А переменит Бог Орду, и моя княгиня, и
мои дети возьмут дань себе.*

Василий II

Цивилизационная, национальная идентичность базируются на господстве определенного мировоззрения, претворяемого в энергии культуры и практику миростроительства, что находит выражение в историческом целеполагании и отражение в политическом проекте.

Подобный проект основывается на оценке долгосрочной перспективы и текущей ситуации. На доктрине, рассматривающей идеальные и прагматичные цели, инвентаризацию средств их достижения, а также – определение тактов (“тактик”) – “этапов большого пути”, выражением чего служит национальная стратегия.

Это обширное хозяйство, отчасти напоминая шахматную партию – но лишь отчасти, то есть в своем технологическом, скажем так, аспекте, – требует мировоззренческого и интеллектуального обустройства, социального и гуманитарного инструментария, адекватного прочтения текущей политической практики и верного определения грядущей исторической ситуации.

* * *

Граждане России не первый год обитают в условиях стремительного социокультурного транзита.

Можно сказать, транзит – наше “родовое гнездо”: Россия – это (слово было произнесено) фронтальная территория. Да и кризис культуры Большого Модерна на планете назревал не одно десятилетие, весь XX век прошел под знаком экспериментального поиска нового миропорядка.

Прописи слишком хорошо известных социально-идеологических проектов века – коммунизма, фашизма (корпоративизма), нацизма, социальной демократии, неоллиберализма, – сменив конкуренцию конфессий, религиозных ересей и прочие конфликты былых столетий, по мере воплощения проявлялись с разной мерой убедительности, демонстрируя ту или иную степень односторонности, ущербности, порока.

А случилось – быстро преобразались из утопий в антиутопии.

Цивилизация тем временем усложнялась и одновременно в чем-то упрощалась: сегодня она объединяет сосуществующие, но все более разлетающиеся миры, число которых множится (что, впрочем, не всегда заметно для привычного взора). И которые предпочитают, и подчас могут себе позволить, жить по собственным уставам.

Мир балансирует на краю исторического трамплина, вопрос лишь в том, конвертируются ли пробужденные интеллектом и волей энергии в относительно привычные формы бытия? Или же мы еще находимся только в преддверии больших перемен?

Возможно ли, что уже в ближайший исторический период произойдет радикальный переход к полифонии, если не какофонии политических организаций: национальных государств, корпораций-государств, транснациональных сетей, высокотехнологичных терминалов, сосуществующих одновременно и параллельно с неoarхаичной семантикой, экзотичными формами пост- и квазицивилизационного существования?

* * *

Человечество, переживающее Большой социальный взрыв, пронизывают различные токи.

А формулы и чертежи проектируемой галактики обретают характер временного сопряжения актуальных бесконечностей. Центр же гравитации – при всем материальном многообразии людского универсума – смещается в область влиятельных нематериальных активов, где концентрируются богатства и силы постсовременной вселенной.

Эволюционный скачок сопровождается центробежным расслоением, утверждающим собственную конфигурацию мироустройства, взаимоотношения иерархий и поколений влиятельных акторов и субъектов.

Инстинкты же миростроительства, удержания под паллиативными формами контроля буйной практики иницируют межцивилизационные, амортизационные, по своей сути, химеры.

Происходит – с той или иной мерой интенсивности и успеха – мутация былых объектов: на планете появляются оригинальные диффузные образования, “беременные туманности”, в чем-то повторяющие очертания привычных организмов, но имеющие подчас заметно иную структурность.

Прежние же формы государственности становятся проницаемыми и уязвимыми, в то время как новые – нестабильны, пластичны, амбивалентны. И параллельно возникают такие экзотичные, инновационные, по-своему влиятельные субстанции, как власть без государства и общество без власти.

Все это серьезный вызов ценностям, интеллекту, типу мышления, системам знания прежнего мира. Но прежде всего это вызов самому человеку, находящемуся на краю лишь частично опознанной, а потому “темной”, закрытой миражами линии горизонта.

Между тем в практике по-прежнему играют роль не только энергии оригинальных протосуверенов, но также действия национальных корпораций, заинтересованных в поддержании целостности и в обустройстве общества. И не только инновационные процедуры, но ценности, обретенные цивилизацией, и такие качества, как крепость моральных принципов, богатства и сила духа.

Важно и обладание непростыми, многомерными картами эпохи, на которых вычерчиваются не только топография мира, канувшего в Лету, и даже не текущая – опознанная, формализованная реальность, но, главное, тот подвижный, с трудом улавливаемый ландшафт за горизонтом, который мы привыкли определять как будущее.

* * *

Что же приходится сегодня пересматривать и переосмысливать политикам и генералам, отвергать либо принимать интеллектуалам и предпринимателям, чем необходимо обладать или жертвовать жителям не слишком совершенного и меняющегося мира?

Мир – пространство все более конкурентное, арена непрекращающейся борьбы за будущее, за его образ, за реализацию собственной формулы миростроительства.

Борьбы, в которой состязаются не только проекты и концепты, но подчас – обозначив тот или иной “конец истории” – искажаются, деформируются каналы постижения новизны, обращая фрустрированный взор вспять к мифической заводи эпического золотого века.

Короче говоря, современный мир – это ристалище острого соперничества, в котором противника порою пытаются лишить самого чувства будущего, замкнув его исторический и социальный горизонт.

На подобную ситуацию можно, конечно, смотреть “широко закрытыми глазами”, используя прежние представления о природе социального космоса, и продолжать действовать устоявшимися, привычными методами. Однако останется ли при этих условиях Россия в “новом смелом мире” на достойном месте, увидим ли мы ее вообще, либо сбудутся слова, прозвучавшие тревожной нотой на рубеже веков: “Россия это не данность, а проблема” и “пришла пора подумать о мире без России”?

Взрывные, быстрые перемены в антропологической вселенной востребовали стратегическую инициативу и эффективную методологию, адекватные открывшимся обстоятельствам, наметившимся горизонтам. Необходимы внятный язык и категориальный аппарат для инновационных форм практики.

Жизненно важной оказывается логика, основанная на преадаптации, в той или иной степени апробированная в среде венчурных предприятий. Необходимо заранее определять лики эпохи и режиссировать курс в бурных водах глобального транзита.

Конечно, возникает искушение “простых решений” – почти по Гоголю: суммировать хорошее, отсеять плохое, приставив нос одного персонажа к лицу другого для достижения якобы идеального результата. Но к реальной политике, где кишмя кишат дьявольские альтернативы, это вряд ли имеет отношение.

Мир – несовершенен, в нем преобладают кровь, пот и слезы. Прикладная же, конъюнктурная политология – увы! – привыкла рассуждать, приспособившись к логике административных структур, реагирующих, главным образом, на текущие угрозы, обращая внимание на окна возможностей лишь *post factum*. В результате упорно проявляется одна и та же тенденция: мифотворчество, метафоричность, прикрываемые, словно фиговым листком, упованиями на то, что “и не такое переживали”, что “Россия всегда с честью выходила из трудностей”.

Но энтузиазм и умное действие – это не сентиментальность, не повторение заклинаний “я все же верю”. Для достижения исторических высот, для воплощения стратегии духа необходимы нравственный, интеллектуальный подвиг, культурная и моральная реформация, преодоление себя и обстоятельств.

* * *

Подведем предварительные итоги. Россия, возможно как никогда ранее, нуждается в обновлении концепции не только экономического, но и социально-культурного развития, предусматривающей серьезные капиталовложения – материальные и нематериальные – в население страны.

И своя мечта.

Государственность в новом мире представляет цветущую сложность: это синергия культурно-исторических организмов и народа, динамичное сочетание разнородных и умножающихся элементов практики, полифония деятельных членов общества и властного политического класса.

Человек – при всех недостатках – существо особое, образ и подобие живущего внутри идеала. Это солдат-наильник, неожиданно для себя бросающийся под колеса повозки, чтобы спасти ребенка. Так что качества грядущего мира не есть некая фатальность, с неизбежностью рока надвигающаяся на нас, маршрут истории намечен пунктиром в сердцах и определяется умным, деятельным сознанием.

В суете повседневности мы как-то забываем, что будущее есть прямой результат человеческих усилий.